

IV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛОВО И АРТЕФАКТ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ» (Саратов, 19–21 сентября 2014 г.)

19–21 сентября 2014 г. кафедра истории древнего мира Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского совместно с Институтом археологии и культурного наследия СГУ провела IV Международную научную конференцию «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории». Конференция проводилась при поддержке РФФИ (№ 14-06-20143 г) и Южно-Российского центра археологических исследований. В ходе заседаний были заслушаны доклады исследователей из Воронежа, Казани, Калуги, Керчи, Красноярска, Москвы, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Саратова, Самары, Тобольска и Челябинска. В конференции приняли участие украинские коллеги из Днепрпетровска, Киева и Харькова.

19 сентября на пленарном заседании в приветственном слове проректор по научно-исследовательской работе Саратовского государственного университета, профессор *А.В. Стальмахов*, говорил о сложившейся традиции проведения в Саратовском университете крупных антиковедческих конференций, нашедших отклик среди исследователей всей страны, и пожелал всем участникам конференции плодотворной работы. С приветственным словом на пленарном заседании выступили также председатель Российской ассоциации антиковедов, член-корреспондент РАН *А.И. Иванчик*, заведующий кафедрой истории древнего мира, руководитель Института археологии и культурного наследия СГУ, профессор *С.Ю. Монахов*.

Работу первого заседания конференции (председатели – А.И. Иванчик, Е.В. Ляпустина) открыл доклад *М.Ю. Лаптевой* (Тобольск) «Археология Ионии начала XXI в. в диалоге и конфликте с нарративной традицией». В докладе была дана оценка наиболее значимым археологическим и междисциплинарным исследованиям Ионии начала XXI в. в контексте их диалога с нарративной традицией. К таким проектам можно отнести изучение геофизических и антропогенных процессов II–I тыс. до н.э. на милетском полуострове, приведшим к дренажу и отсыпке заболоченной территории с целью расширения городского центра, который был распланирован уже в конце VI в. по регулярному принципу, предвосхитившему более позднюю планировку Гипподамом южных районов Милета. Введение этого материала в научный оборот – результат плодотворного сочетания исторических и археологических методов, позволившего восполнить лакуны нарративной традиции. В то же время идентификация К. Ломаном раскопанных на восточном склоне горы Микале руин поселения и храма со святилищем Панионийского союза и разрушенной им Мели вступает в противоречие со свидетельствами древних авторов относительно времени, места и деятельности этого союза.

Д.В. Зайцев (Красноярск) в докладе «Роль археологических источников в реконструкции контактов полисов Эвбеи с Ближним Востоком в архаическое время» обратился к сюжетам из истории Эвбеи VIII–VII вв. до н.э. В частности, анализировалась проблема существования торговых связей между островом и Ближним Востоком. Материалы с поселения Аль-Мина свидетельствуют о проживании там какого-то количества греческого населения. Докладчик отметил, что основную массу керамики VIII в. до н.э. составляют сосуды эвбейского производства. Однако доказать существование именно торговых связей на основании этих данных невозможно. Помогают прояснить ситуацию материалы с поселения Лефканди и Эретрии на Эвбее, где прослеживается ближневосточный импорт. Правда, в VIII в. до н.э., по сравнению с более ранним временем, количество ближневосточной керамики сокращается, а посредниками для ее транспортировки могли выступать финикийцы. Тем не менее взятые в комплексе данные о населении эвбейского происхождения на Ближнем Востоке и о ближневосточном импорте в Лефканди и Эретрии позволяют уверенно говорить об участии населения ост-

рова в этих контактах. Хотя при этом вряд ли можно говорить непосредственно о торговле: вероятнее всего, она была неразрывно связана с пиратством и престижным дарообменом.

В докладе *Е.И. Соломатиной* (Москва) «Археологические, мифологические и клинописные свидетельства о ранней истории Лесбоса» были проанализированы источники, позволяющие говорить в первую очередь не об общем сходстве с греческим миром, а скорее о различиях, берущих начало еще в эпоху ранней бронзы и демонстрирующих прочные связи Лесбоса с Анатолией (геср. с Троадой) вплоть до эпохи раннего железа и архаики. Лесбос представлял собой контактную зону влияний, идущих с Востока и Запада, но ни одно из них не доминировало над другим, а скорее оба они сосуществовали длительное время, и следы этого сочетания нашли яркое отражение в историко-культурном и социально-политическом облике Лесбоса позднейших эпох. *В.Ю. Шелестин* (Москва) в докладе «Киликийские титаны и миграции бронзового века» обратился к позднеантичной традиции о киликийских титанах и предположил ее связь с этнической историей Киликии в бронзовом веке. В случае, если эта связь имела место, появляется новый аргумент, – а именно, эпизод о соперничестве основателя Аданы и жителей Тарса, в пользу решения вопроса о первых исторических поселенцах Киликии III тыс. до н.э. как лувийцах, а не хурритов.

А.В. Сафронов (Москва) свой доклад «Троянцы в Восточном Средиземноморье: легендарная традиция или реалии?» посвятил двум сюжетам античной мифологической традиции, связанным с прибытием Тевкра на Кипр (Ликофрон, Страбон, Павсаний) и троянцев в Ливию (Геродот, Пиндар) после падения Трои. Сопоставив их с письменными и изобразительными источниками начала XX династии о нападении «народов моря» на Египет, автор показал, что эти данные в своей основе аутентичны и восходят к эпохе масштабных миграций конца позднебронзового века в Восточном Средиземноморье. В связи с их датировкой временем окончания Троянской войны автор сделал особый акцент на сообщении надписи Рамсеса III о разорении родины «народов моря», часть из которых, по его мнению, должна локализоваться на северо-западе Анатолии. В докладе *Л.В. Шмелевой* (Казань) «Дипломатическая деятельность Рима в VIII–III вв. до н.э. по данным юридических источников» были рассмотрены вопросы фиксации правовых норм, регулирующих дипломатическую деятельность Римской республики в V–I вв. до н.э. Дипломатическая деятельность органов власти в Древнем Риме и отдельных уполномоченных ею и римским народом лиц имела правовую основу, зафиксированную в римском законодательстве от времени царей. Международные отношения и дипломатическая деятельность регулировались правом фециалов, правом народов, посольским правом и попадала в сферу деятельности публичного права. Автор исследует сохранность данных норм в Законах XII таблиц, Институциях Гая и Дигестах.

19 сентября состоялось вечернее заседание конференции (председатели – С.Ю. Сапрыкин, Е.И. Соломатина). Доклад *В.П. Яйленко* (Москва) «Слово и дело: о публикации ольвийского декрета в честь смиренейца Стефана» представлял собой анализ самого декрета и предложения по исправлению реконструкции А.И. Иванчика. Автор отметил, что восстановление текста, предложенное А.И. Иванчиком, вызывает вопросы. Доклад *С.Ю. Сапрыкина* «Новые эпиграфические памятники из Северо-Западного Крыма» был посвящен нескольким памятникам эпиграфики из Северо-Западного Крыма, обнаруженным в ходе раскопок на Кара-Тобе, Чайке, Калос Димене и в Керкинитиде. На поселении Кара-Тобе было найдено два посвящения моряков и интересное граффито на стенке чернолакового килика с упоминанием Ахилла и, по некоторым предположениям, его матери Фетиды. С поселения Чайка происходит граффито (надпись фрагментарная) с посвящением какому-то божеству от навклеров во главе с неким (...)ихом и моряков-гребцов. Одна из надписей из Кара-Тобе ранее была опубликована как посвящение Зевсу и Деве, сделанное солдатами понтийского гарнизона во главе с Аристонином, их командиром, якобы служившим под командованием Диофанта. На самом деле это посвящение моряков во главе с Аристонином и Парфенопеем, – очевидно, кибернетов или навклеров. Все эти надписи, датируемые эллинистической эпохой, как и найденный небольшой фрагмент килика V в. до н.э. из Керкинитиды с рисунком корабля и частью письма некоего моряка его возлюбленной или гетере по имени Гикия, свидетельствуют, что воды близ побережья Северо-Западной Таврики являлись районом интенсивного судоходства. Близ этих берегов пролегал путь кораблей из Боспорского царства через Херсонес к Ольвии и далее к Левопонтийскому побережью и Боспору Фракийскому.

Н.Ф. Федосеев (Керчь) в докладе «О хронологии синопских клейм» говорил о том, что методы создания хронологической классификации синопских керамических клейм давно разработаны и апробированы. *Первый шаг – это уточнение базы данных.* В 1993 г. был опубликован уточненный список синопских магистратов, который за это время не вырос, а сократился до 165 имен. *Второй шаг – это структурирование материала.* Новый вариант компьютерной программы АСТИНОМ учитывает базу, накопленную с 1989 г. В результате была составлена хронологическая таблица магистратов, где каждый элемент имеет свое место и способен перемещаться в зависимости от изменения

признака. Как правило, меняются местами близлежащие элементы, а не первые с последними. По сути эти изменения являются уточнением места магистрата в хронологической колонке. *Третий шаг – это определение абсолютной хронологии.* Клейма с датами должны датироваться по селевкидской эре с 203/2 по 199/8 г. до н.э. Хронология синопского астиномного клеймения укладывается, по представлениям Н.Ф. Федосеева, в отрезок времени с 368 по 204 г. до н.э. Данная хронология не дает «застора» для новых магистратов. В докладе *А.А. Еремеевой* (Санкт-Петербург) «Амфорные клейма Гераклеи Понтийской из раскопок городища Мирмекский» были проведены хронологический анализ, распределение по группам и интерпретация всех амфорных клейм, найденных на городище Мирмекский. Была освещена их топография. На основе всего этого материала проанализирована динамика торговли между Мирмекием и Гераклеей Понтийской.

В докладе *М.В. Иващенко* (Саратов) «Комплекс керамических клейм из колодца под печью № 9 гончарных мастерских Херсонеса» был рассмотрен комплекс из 35 амфорных клейм. Ранее предполагалось, что засыпь колодца и начало керамического производства в Херсонесе синхронны и относятся к середине 20-х годов. IV в. до н.э. Однако автор пришел к выводу что данные оттиски не имеют отношения к мастерской, а сам колодец был засыпан или в конце 60-х, или в самом начале 50-х годов IV в. до н.э., т.е. задолго до появления на этом месте херсонесского «Керамика». *О.В. Фатеев* (Днепропетровск) в докладе «Заметки о типах керамических клейм Херсонеса Таврического» привел результаты анализа херсонесских керамических штампов начального периода. Становление системы клеймения Херсонеса Таврического происходило на протяжении 50 лет. Автор выделил и сопоставил стилистические особенности херсонесских штампов с данными о сочетании имен магистратов с фабрикантскими именами. Им предложена последовательность херсонесских магистратов начального периода клеймения. Автор отметил новые возможности широкого использования ономастического метода для синхронизации амфорного клеймения и монетной чеканки Херсонеса Таврического и перспективы применения дактилоскопического метода исследования херсонесских амфор и черепиц.

Тема доклада *В.И. Каца* (Саратов) – «Раннефабрикантская группа клейм Гераклеи Понтийской: миф или действительность». Автор говорил о том, что относительно недавно в ходе обработки крупной коллекции керамических клейм из Дебелта в Болгарии И. Гарлан высказал сомнения в правильности предложенной докладчиком хронологической системы гераклейского клеймения. Принципиальным возражением И. Гарлана было заявление о том, что нет оснований выделять в особую группу ранние фабрикантские оттиски и что клеймение в Гераклее с самого начала носило магистратский характер. Докладчик отметил, что представленная И. Гарланом аргументация далеко не бесспорна, в то время как сохраняют силу аргументы в пользу существования фабрикантского периода, предшествующего появлению в Гераклее магистратских клейм. *А.М. Скворцов* (Челябинск) представил доклад «Секция древней истории Института истории РАН ИОН как центр антиковедения 1920-х годов». В 1921 г. при факультете общественных наук был создан научн-исследовательский Институт истории, в котором сконцентрировались, в основном, немарксистские ученые (из антиковедов – Г.М. Пригоровский, Д.П. Кончаловский, Д.Г. Коновалов и др.). До середины 1920-х годов РАНИОН был вполне автономным учреждением, где сохранялись дореволюционные традиции научных коммуникаций. С середины 1920-х годов автономия все более урезается. Это просматривается, например, в выборе тем для исследования. Если в первые годы преобладали, в основном, источниковедческие работы, то в конце 1920-х приоритетной стала социально-экономическая проблематика, история международных отношений, история революционных движений. Как отметил докладчик, в целом роль Института истории РАНИОН довольно высока в контексте становления советской исторической науки. Там сформировалась система аспирантуры, которую закончили многие будущие мэтры – К.К. Зельин, Н.А. Машкин, А.В. Мишулин, там начинал свой научный путь В.С. Сергеев.

Заседание 20 сентября (председатели – Е.А. Молев и С.Ю. Монахов) открыл доклад *П.Н. Александрова* (Москва) «Опыт применения геофизических методов дистанционного зондирования для решения археологических задач». Автор познакомил аудиторию с последними разработками в области геофизики, способными помочь исследованию археологических объектов. В докладе *А.В. Буйских* (Киев) «Храм Афродиты в Ольвии» была представлена информация о предварительных результатах исследования нового культового участка в Ольвии. Третий по счету теменос открыт в юго-восточной части верхнего города, пережил два основных строительных периода, первый из которых относится к позднеархаическому времени, второй – к позднеклассическому. Исследованы строительные остатки двух разновременных храмов, ботросы, алтари. Набор посвященных граффити позволил определить посвящение теменоса Афродите и нового для Ольвийского полиса героического культа – Ангела героя. В докладе *Н.В. Кузиной* (Нижний Новгород) «Святынище на плато близ поселения Полянка (раскопки 2012–2013 гг.)» были освещены некоторые итоги археологических исследований, проводившихся на плато к востоку от поселения Полянка в Крымском Приазовье. Исследованные

строительные остатки, принадлежали, видимо, комплексу построек, функционировавших в пределах рубежа II – второй половины I в. до н.э. Учитывая некоторые черты планировки одного из помещений и обнаруженных в нем находок, а также особенности культурного слоя, его можно интерпретировать как одно из святилищ, расположенных на плато и синхронных поселению в долине. Открытые здесь сооружения дополняют общую картину планировки поселения рубежа II – второй половины I в. до н.э. и свидетельствуют о том, что застройка охватывала не только территорию прибрежной долины, но и прилегающие к ней скальные плато.

Е.А. Молев, Н.В. Молева (Нижний Новгород) в докладе ««Триада» в сакральном граффито из Китейского святилища» исследовали вероятность интерпретации крайне редкой находки из центрального святилища Китея – двух граффити на горле хиосской амфоры: ΤΡΙΑΔΙ на одной стороне горла и ΠΠΠ – на другой и пришли к выводу, что это, вероятнее всего, могло быть посвящение элевсинской триаде божеств: Деметре, Коре, Иакху. Близкие находки с подобными посвящениями есть в Ольвии, Херсонесе, ряде городов и поселений Боспора. *Д.В. Григорьев* (Красноярск) свой доклад «Положение военачальника на Боспоре» посвятил выявлению особенностей положения военачальника на Боспоре в VI–IV вв. до н.э. по имеющейся нарративной традиции. Уже в период колонизации формировались предпосылки для единоличного военного командования. Это же создало предпосылки к тиранической власти. В период складывания Боспорской державы происходят увеличение численности армии и усложняется ее организация; следовательно, усиливается значение и влияние военачальников. Традиционно в крупном территориальном образовании верховным командующим является правитель. Это, безусловно, связано с нерасчлененностью функций правителя и военного руководителя. В IV в. до н.э. на Боспоре активно используют наемников, примером чему является высокое положение в иерархии Боспора командира наемников Мениска.

В докладе *Н.Б. Чурековой* (Саратов) «Археанактиды на Боспоре: к проблеме происхождения и характера власти» были рассмотрены версии происхождения боспорского рода Археанактидов. Проанализировав историографию вопроса и сообщения античной традиции, автор пришла к выводу, что версия милетского происхождения Археанактидов не может считаться единственно верной, происхождение Археанактидов из Митилены столь же возможно. *С.Ю. Монахов* (Саратов) в докладе «Опыт локализации керамической тары “неустановленных центров производства”» обобщил накопленный опыт локализации серий амфор, считавшихся ранее продукцией «неустановленных» центров, и предложил возможные пути новых локализаций на примере амфор Пепарета, Икоса, Колофона, Коса, Книда, Аканфа, Менды, Эрифр, Пароса и др. Проведенная автором работа значительно расширяет возможности для реконструкции торговых связей Эгеиды и Причерноморья. Тема доклада *Н.И. Сударева* (Москва) – «Новейшие археологические открытия на Тамани». Автор познакомил участников конференции с обнаруженными в последние годы поселениями и некрополями синдов, убедительно продемонстрировал наличие местного автохтонного населения на Тамани в период греческой колонизации. Особый интерес представляет открытие в районе поселка Вестник греческого храмового комплекса, рядом с которым располагался синдский некрополь.

Доклад *Б.А. Раева* (Ростов-на-Дону) «Загадочные ямы меотских городищ Среднего Прикубанья» был посвящен вопросу о назначении хозяйственных ям с нишами и подземными лазами, исследованными в последние годы на некоторых городищах Прикубанья. Их интерпретация как подземных святилищ, связанных с «инициациями», на проверку оказалась не более чем игрой воображения увлеченного исследователя. Некоторые особенности устройства лазов и глубина, на которой они сооружались, свидетельствуют о том, что это были выработки для добычи глины. Домашнее производство посуды, саманное и турлучное строительство на городищах требовало большого количества глины. Добывать ее проще всего было из ниш и штолен, устроенных в нижних ярусах старых хозяйственных ям. *А.П. Медведев* (Воронеж) представил доклад «О погребениях с конями в античном некрополе Фанагории». На площади Восточного некрополя было открыто семь конских захоронений: одиночных, парных и тройных. Большинство из них занимали весьма компактную центральную часть раскопа 2006 г. Они подразделяются на две группы: погребения умерших, сопровождаемые конскими захоронениями, где связь погребенного и коня очевидна, и погребения только одних коней. И те, и другие датируются первыми веками нашей эры. По мнению автора, открытые в восточном некрополе Фанагории погребения с конями и отдельные конские захоронения могли быть археологическим отражением присутствия пришельцев, возможно аспургиан, среди населения столицы Азиатского Боспора.

Вечернее заседание 20 сентября (председатели – В.И. Кашеев, Н.В. Кузина) открылось докладом *Л.Л. Селивановой* (Москва) «Телемах против Тирренца: победа над варваром? (По данным дельфийской надписи)». Автор проанализировала посвятельную надпись на базе статуи Телемаха из Фарсала, найденную в Дельфах и опубликованную Т. Омоллем в 1897 г. Статуя – часть скульптурной группы, памятник правящей династии, – была приношением династа Фарсалы Даоха II, сына Сизифа, в бытность его иеромнемом в 338–334 гг. до н.э. Надпись сообщает о победе на Пифийских

играх его прадеда Телемаха над неким Тирренцем, убитым в борцовском поединке. Поскольку в Панэллинских играх могли участвовать только греки, а этруски, как известно, имели репутацию пиратов, автор полагает, что Тирронец – прозвище западного грека, борца-тяжеловеса из Цере-Агиллы. Выдать победу своего предка над западным греком за победу над варваром донатору понадобилось по причине своей компрадорской позиции (благодаря ему Фессалия попала под протекторат Македонии). Даох представил его победителем над варваром, которым тот не являлся, а варвара Филиппа – греком, защитником (как и себя) эллинских ценностей. Такого рода монументальная пропаганда должна была способствовать восстановлению пошатнувшейся репутации Даоха и сохранению власти семьи. В докладе *А.С. Саногова* (Саратов) «Детство и юность Кира в “Киропедии” Ксенофонта» был проанализирован образ Кира Великого (ребенка и юноши), каким он представлен Ксенофонтом в «Киропедии». Автор рассмотрел образы других персонажей, описанных в этой части его труда, и литературные приемы, с помощью которых Ксенофонт передал свое восприятие образа будущего царя, а также историографию поднимаемых в докладе проблем. В докладе была сделана попытка показать место образов детства и юности в общей структуре «Киропедии» и ту роль, которую играет эта часть в авторском замысле Ксенофонта.

В докладе *В.И. Кащеева* (Саратов) «Смерть у Марка Аврелия» был проанализирован мотив смерти, занимающий важное место в «Размышлениях» Марка Аврелия. Представление о смерти у него во многом определяется его религиозными взглядами и естественнонаучными воззрениями. Автор проанализировал также понятийное содержание термина *θάνατος* и его синонимические выражения и показал, что в большинстве случаев *смерть* у Марка Аврелия противопоставлена *жизни* и определяется через нее; *жизнь* и *смерть* существуют как некое «единство противоположностей». В докладе обозначены важные аспекты темы смерти, с которыми мы сталкиваемся в «Размышлениях»: смерть как природное явление; ее антропологический аспект (тело, душа, дух человека в их отношении к смерти); смерть и бессмертие; смерть и забвение; самоубийство, которому противопоставлена естественная кончина. Мотив смерти у Марка Аврелия стал предметом рецепции в философии и литературе Нового времени.

Н.Ю. Сулейманова (Балаково) в докладе «Иконография и иконология некоторых дионисийских сюжетов» отметила, что античная керамика и изображенные на ней образы существуют как единое целое и поэтому должны пониматься, интерпретироваться и показываться в их единстве. Докладчица рассмотрела сюжет, посвященный дионисийским сценам, исходя из единства формы, содержания и контекста серии интересных артефактов – аттических краснофигурных кратеров первой половины IV в. до н.э., на одной стороне которых изображена дионисийская сцена с центральной фигурой «женщины в белом», а на другой – три «задрапированные фигуры». Этот сюжет воспроизводит мир Диониса, в вакхических мистериях которого смерть понималась как возрождение. С одной стороны, здесь представлена «мертвая», иницированная в мистерии женщина, которая возвращается к новой обещанной загробной «жизни», а с другой – три фигуры тех, кто находится в начале пути посвящения в дионисийские мистерии. *А.А. Синицын* (Санкт-Петербург) в докладе «ΤΑΡΙΧΟΣ ΑΓΥΡΤΙΟ: по поводу упоминания “египетской солонины” у Софокла» исследовал один занимательный фрагмент из Софокловой драмы «Финей» (Frg. 712 Radt), содержащийся у Афиня (III. 119 c). Докладчик предложил возможный контекст этой несохранившейся пьесы и подверг сомнению устойчивое мнение, будто сходство данного свидетельства с пассажем о *τάριος* в финале труда Геродота (IX. 120) указывает на заимствование драматургом у «отца истории» сведений о египетских мумиях.

А.Б. Шарнина (Санкт-Петербург) представила доклад «Древнегреческие обычаи и войны». У эллинов, которые в основном воевали между собой, очень рано появился обычай «священного месяца» – *ἱερομηνία*, основанный на представлении о насилии в священных местах и во время отправления обрядов как о нечестии. «Священный месяц», длившийся обычно дольше, объявлялся в связи с проведением праздников, прежде всего общеэллинского значения. Он совпадал с перемирием, которое старались соблюдать все участники. В источниках встречаются примеры, когда враждующие стороны брали паузу, вместе проводили игры, а потом снова воевали друг с другом. «Священный месяц» влиял на сроки военных кампаний, иногда приводил к наивным манипуляциям с календарем. При всех нарушениях обычаев «священного месяца» и перемирия способствовал уменьшению насилия в греческом мире. Тема доклада *Т.В. Кудрявцевой* (Санкт-Петербург) – «Идеи правосудия и справедливости в античных магических табличках». Автор отметила, что судебная магия использовалась тяжущимися еще в классической Греции – особенно много примеров дают нам Афины (таблички с проклятиями). Судебное проклятие представляло собой обращение к хтоническим божествам с пожеланием связать язык сопернику, его свидетелям и помощникам, нейтрализовать функции, ответственные за мыслительную и вербальную деятельность. Прибегающий к магии вызывал к богам за помощью, но не молил их – просьба эта больше похожа на указание или инструкцию божеству; проклиная мечтал не о возмездии, а стремился выиграть свой процесс любой ценой. Однако в эллинистическое и римское время судебные проклятия претерпевают некоторые изменения, так что

некоторые исследователи даже выделяют особую группу «судебных молитв» или обращений к богам с просьбой о юридической помощи. В «судебной молитве» смиренно зывают к божеству о правосудии, просят его покарать преступника именно за его преступление. При этом имитируются термины, приводятся выражения, используемые в судебной практике. Преступление и преступник, а порой и похищенное становятся предметом заботы божества; фактически пострадавший вносит ему жалобу (иск). На изменения в традиционной судебной магии повлияло и сложившееся в эллинистическое время «монархическое сознание», пришедшее на смену полисной, гражданской идеологии. Наконец, они могли быть следствием смещения акцента в сценариях разрешения криминальной и – шире – конфликтной ситуации. В широком контексте эти изменения видятся как переход от состязания, в котором «победитель всегда прав» и «победителю достанется всё», – к исполнению правосудия как торжества Справедливости, защите «униженного и оскорбленного».

21 сентября, на третий день конференции (председатели – А.П. Медведев, О.Л. Габелко), был проведен Круглый стол, посвященный проблемам современного антиковедения (организатор – Российская ассоциация антиковедов), и приняты следующие решения:

1. Определиться с формой анкеты для желающих вступить в ряды Российской ассоциации антиковедов и разместить ее на сайте РАА.

2. Продумать возможность публикации научных работ под грифом РАА. Продумать процедуру отбора научных работ.

3. Рассмотреть возможность проведения конкурса письменных студенческих работ – бакалаврских и магистерских диссертаций – с дальнейшим выставлением на сайт лучших работ.

В докладе *О.Л. Габелко* (Москва) «Неофициальные прозвища некоторых правителей эллинистической Македонии» были проанализированы прозвища македонского царя Антигона III, больше известного как Досон, но именуемого также Фуск (Φούσκος) (Euseb. Chron. I. 237–238, 24–242 Schoene). Последний эпитет, представляющий собой *haraх*, связанный только с этим монархом, исследователи обычно считают загадочным, трудным для понимания или даже не исключают его появления в результате ошибки Евсевия. Между тем, согласно лексикографу Гесихию (s.v. Φούσκος), это слово означает «Остроголовый» и, видимо, передает характерную черту внешности Антигона III. Весьма вероятно, что это слово представляет собой македонскую глоссу, примеры чего во множестве содержатся в труде Гесихия. *А.И. Иванчик* (Москва) представил доклад «Персидский штурм лидийской крепости в Гордионе: наконечники стрел», посвященный одному из интереснейших археологических комплексов, раскрытых при раскопках фригийского Гордиона, – крепости Кючук Хуюк. Она представляет собой форт, включенный в линию оборонительных стен города, использовавшийся лидийским гарнизоном Гордиона и разрушенный при его штурме персидской армией Кира в 540-е годы до н.э. В более позднее время форт не восстанавливался. К сожалению, материалы раскопок Кючук Хуюка не публиковались. В докладе рассматривалась коллекция наконечников стрел (235 экземпляров), происходящая из слоев разрушения крепости и дающая достаточно полное представление о типах наконечников стрел, использовавшихся персидской армией в середине VI в. до н.э. Подавляющее большинство наконечников бронзовые и принадлежит к типу двухлопастных с листовидным пером плавных очертаний. Использовались также трехлопастные бронзовые наконечники с пером ромбовидных и листовидных очертаний и железные втульчатые наконечники гораздо более крупного размера, однако последние встречаются значительно реже.

Т.Ю. Шашлова (Саратов) выступила с докладом «Ахеменидская империя и Закавказье: персидское присутствие или культурное влияние на территории современной Грузии?». Докладчик отметила, что памятники материальной культуры, имеющие отношение к ахеменидскому Ирану, находили на территории Грузии неоднократно. При этом в историографии недостаточно четко разграничивается вопрос о том, какие связи с Ираном (политические, торговые, культурные) эти памятники отражают. На присутствие Ахеменидов могут указывать их монументальные сооружения, два из которых обнаружены на территории Грузии, в самых восточных ее областях («дворцы» в Гумбати и Сабатло). Другой род контактов – дипломатический – отражают находки «статусных» предметов в богатых погребениях местной знати. Объектом торговых связей могли быть мелкие ювелирные изделия, парфюмерные флакончики и некоторые виды привозной керамики, встречающиеся во многих областях Колхиды и Иберии. Культурные же связи проявляются в местной имитации предметов ахеменидского стиля (подражания ахеменидской керамике, ювелирным изделиям и предметам торевтики). Следует отметить и постепенное распространение иранских религий митраизма и зороастризма в Южной и Восточной Грузии. *С.В. Смирнов* (Москва) представил доклад «Diod. XVIII–XX и оппозиция ΚΟΙΝΟΠΡΑΓΙΑ/ΙΔΙΟΠΡΑΓΙΑ». В книгах XVIII–XX сочинения Диодора Сицилийского встречаются два редких слова – *κοινοπραγία* и *ιδιοπραγία*. В историографии *κοινοπραγία* трактуется как «союз», а *ιδιοπραγία* – как «преследование собственных политических интересов». Между тем анализ словоупотребления, а также платоновской традиции показывают, что оба слова формируют

семантическую оппозицию, которая, в свою очередь, в тексте Иеронима, источника Диодора, являлась своеобразным литературным приемом, призванным подчеркнуть два типа политики диадохов.

В докладе *А.С. Балахванцева* (Москва) «История ранней Парфии в свете письменных и нумизматических источников» была проанализирована титулатура Аршака I. По мнению автора, при решении данного вопроса целесообразно опираться не на более поздние письменные источники, следовавшие официальной парфянской традиции, а на монеты самого Аршака, свидетельствующие об отсутствии у первого правителя Парфии титула ΒΑΣΙΛΕΥΣ. *Ю.Н. Кузьмин* (Самара) в докладе «Надгробие Гадеи из Верой: критические заметки по поводу теории О. Палагии» показал, что, вопреки мнению греческой исследовательницы, эпиграфический стиль эпитафии на памятнике Гадеи указывает на его датировку серединой или второй половиной III в. до н.э., а не концом IV в. до н.э. Кроме того, рассмотрение исторического контекста также делает безосновательной теорию Палагии о том, что Гадея была дочерью диадоха Кассандра (ок. 305–298 г. до н.э.).

Тема доклада *С.Д. Литовченко* (Харьков) – «Царствование Тиграна II Великого: проблемы хронологии». Автор отметил, что в последние годы была предпринята попытка пересмотреть традиционную датировку сирийских завоеваний Тиграна II 83-м годом до н.э. По предположению Р. Шайгана, армяне могли захватить владения Селевкидов уже в 87 г. до н.э. Однако не все аргументы автора находят подтверждение. Так, например, источники свидетельствуют о том, что титул «царь царей» правитель Великой Армении носил задолго до конца 70-х годов. В свою очередь, О. Гувер предположил, что вторжение войск Тиграна II во владения Селевкидов произошло не ранее 74 года. Сходную позицию занял Г. Ассар, допустивший возможность датировать захват Тиграном II селевкидских владений 76-м годом. Но необходимо отметить, что небольшое количество выпусков тетрадрахм Тиграна II сирийскими монетными дворами необязательно свидетельствует о непродолжительном периоде чеканки. Политическая нестабильность в Парфии в конце 80-х годов, подтверждаемая данными вавилонских астрономических дневников, не могла стать препятствием для проведения сирийских операций армянского царя. Поэтому не следует полностью отказываться от традиционной датировки присутствия Тиграна II в Сирии. Доклад *В.П. Колосова* (Санкт-Петербург) «Проблема происхождения триглифо-метоппного фриза» был посвящен истории исследования происхождения дорического ордера. Рассмотрены эволюция взглядов ученых на происхождение дорической архитектуры и изменения научных представлений об этой проблеме в связи с введением в научный оборот новых археологических материалов и методов научного исследования.

Вечернее заседание 21 сентября (председатели – А.В. Короленков и А.М. Бутягин) началось докладом *А.М. Бутягина* (Санкт-Петербург) «Фрески виллы Ариадны в Стабиях: искусство как массовый материал», в котором была рассмотрена возможность изучения при помощи статистических методов многочисленных фрагментов фресок, обнаруженных экспедицией Государственного Эрмитажа в 2010–2014 годах при раскопках комплекса терм виллы Ариадны в Стабиях. С этой целью была разработана типология фрагментов росписи, а также введено определение цветов при помощи системы Pantone. В результате становится возможным более четкое распределение фрагментов по помещениям, из которых они были перемещены, а также статистически обоснованное восстановление общих элементов композиции фрески. Тема доклада *Л.В. Чернышова* (Калуга) – «Некоторые аспекты изучения римско-батовских отношений на рубеже эр». Докладчик сделал краткий обзор данных античной традиции и археологии об этногенезе батавов и переселении их в дельту Рейна и Мааса. Основу батавской общности, по его мнению, составила часть хаттов, заключавшая союз с Цезарем, и эбуроны, подвергшиеся ассимиляции со стороны пришлых германцев. Окончательный вид римско-батовские отношения приобрели в эпоху Августа, когда регион, заселенный этими германскими племенами, превратился в военный аванпост Империи, а сами батавы, ставшие верными воинами Рима, были освобождены от уплаты податей и сохранили определенную автономию.

О.В. Любимова (Москва) в докладе «Марк Лициний Крассе и “первый заговор Катилины”» исследовала взаимосвязь между тремя политическими событиями 66–65 годов до н.э., которые легли в основу пропагандистского мифа о «первом заговоре Катилины»: консульские выборы на 65 г., суды над Манилием и назначение Гн. Пизона пропретором Испании. Основа мифа была заложена, когда П. Сулла, осужденный и лишенный консульства, попытался на повторных выборах поддержать Катилину против своего соперника и обвинителя Торквата с помощью вооруженных отрядов. Когда Катилину не допустили до выборов, то он заключил союз с популярным лидером Манилием, обвиненным в вымогательстве, и сорвал суд над ним, рассчитывая получить ответную услугу на предстоящем ему суде по тому же обвинению. В этих беспорядках участвовал и Гн. Пизон, друг Катилины и враг Помпея, желавший переманить Манилия, союзника Помпея, на свою сторону. Участие Красса в этих событиях не засвидетельствовано и маловероятно; но вскоре он содействовал экстраординарному назначению Пизона пропретором Испании. В пропаганде политических противников предвыборный союз Суллы с Катилиной и беспорядки, устроенные последним на суде над Манилием, были интер-

претированы как заговор Каталины, Суллы и их союзников Пизона и Автрония с целью захвата власти. Имя Красса как инициатора заговора было включено в эту историю противниками триумvirата; обвинение казалось правдоподобным, потому что он открыто добивался назначения Пизона в Испанию.

В докладе *А.В. Короленкова* (Москва) «Битва при Коллинских воротах» была рассмотрена античная традиция о битве при Коллинских воротах и предпринята попытка совместить рассказы Плутарха и Аппиана. По мнению докладчика, противоречия между ними касаются лишь заключительной стадии битвы и связаны с фрагментарным характером изложения Плутарха, видимо, не совсем правильно понявшего и/или изложившего свой источник. В докладе *С.Э. Таривердиевой* (Москва) «Марк Агриппа в гражданских войнах 44–40 гг. до н.э.» речь шла о ранней карьере Марка Агриппы в 44–42 годах – в период, когда он выходит из общей тени окружения Октавиана и начинает приобретать самостоятельную политическую значимость. Указания источников, хоть и очень краткие, позволяют достаточно уверенно утверждать, что Агриппа участвовал в Мутинской войне, хотя и не на командной должности. После того как в 43 г. Октавиан получил консульство, Агриппа выполняет политически важную миссию: предъявляет обвинение Гаю Кассию по Педиеву закону как убийце Цезаря. На этом процессе Агриппа публично представлял позицию Октавиана и озвучил его претензии к заговорщикам, что позволило укрепить его позиции как наследника Цезаря. Для Агриппы это выступление стало первым кирпичиком в фундаменте его политической карьеры. Распространенное в историографии мнение, что Агриппа обвинял Кассия в суде в качестве трибуна, скорее всего, ошибочно, так как процесс происходил в *quaestio*. Более вероятно, что его трибунат относится к 42 г., и Агриппа не участвовал в Филиппийской войне, а оставался в Риме, чтобы при необходимости защищать там интересы Октавиана.

Доклад *Е.В. Смыкова* (Саратов) «Марк Антоний и Александр Македонский» был посвящен проблеме римской *imitatio Alexandri* на примере Марка Антония. При всем интересе, который вызывала в Риме фигура македонского завоевателя, этого интереса еще недостаточно для того, чтобы приписывать римским политикам подражание ему как форму политического поведения. Даже Марк Антоний, тесно связанный с Востоком, действовал в рамках римских политических традиций: все факты, которые приводят в подтверждение его подражания Александру, допускают иную интерпретацию, ни один из них не может послужить прочной основой для подобных суждений. Тема доклада *А.Е. Барышниковой* (Калуга) – «Сколько нужно Тогидубнов для покорения Британии?». Автор поставил в центр внимания одну из наиболее значительных фигур в истории ранней римской Британии – Тиберия Клавдия Тогидубна. Дополнив имеющиеся свидетельства Тацита эпиграфическими данными (надписью из Новиомага) и результатами новейших археологических исследований (в Силчестере и Фишборне), автор пришел к выводу, что Тогидубн сделал для распространения римской культуры на острове больше, чем многие из римских наместников I в. н.э. При этом, как полагает автор, недавно высказанная в научной литературе идея о том, что Тогидубн Тацита тождественен Тогодумну Кассия Диона, не имеет серьезных доказательств. *Л.В. Тарасова* (Калуга) в докладе «Монеты как источник для изучения почитания женщин в римском императорском культе» рассмотрела легенды и изображения на монетах I–II вв., в которых нашли отражение разнообразные аспекты почитания женщин в императорском культе, и пришла к выводу, что можно выделить следующие проявления почитания слабой половины императорской семьи: прижизненное портретное изображение, легенды *DIVA*, *CONSECRATIO*, *AETERNITAS*, астральные символы, персонификация добродетелей и представление женщин в виде богинь.

Все участники конференции отметили ее высокий научный уровень и решили провести следующую конференцию через два года.

Монахов Сергей Юрьевич,
доктор исторических наук, профессор,

Sergey Yu. Monakhov
National Research Saratov State University,
Saratov, Russia
monachsj@mail.ru

Кузнецова Елена Владимировна,
кандидат исторических наук

Elena V. Kuznetsova
National Research Saratov State University,
Saratov, Russia
ev_kuznetsov@lit.ru

Чурекова Наталья Борисовна,
кандидат исторических наук

Natalia B. Churekova
National Research Saratov State University,
Saratov, Russia
nat-churekova@list.ru